

ДВУЕДИНСТВО ЕВРОПЫ В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ

Ю. В. Синеокая

Фридрих Ницше — один из провозвестников идеи «постнигилистической» интеграции Европы. Именно Ницше, значительно раньше других, уловив на исходе XIX столетия фундаментальную траекторию европейской истории — переход от национального политического порядка к глобальному, — сделал акцент на скором превращении Европы в единый организм. Признавая величие этнического духа национального государства, Ницше благословил становление новой единой европейской культуры. Чтобы быть сильнее и успешнее, Европе следует объединиться, а для этого на смену национальным государствам должен прийти более мощный европейский проект.

Уже в 1886 году, за сто лет до начала практических шагов по формированию единого европейского пространства, Ницше писал о «несомненнейших признаках, свидетельствующих о том, что Европа стремится к объединению»¹. Начавшийся в последнюю четверть прошлого века процесс формирования Единой Европы воплощает это предвидение. Размышления Ницше о европейском будущем, рассмотренные в контексте процесса интеграции европейских стран, имеют сегодня не только академический, но и практический интерес.

Ницше, «предвестнику чудовищных аварий XX века» (Карен Свасьян), принадлежит много важных прозрений об испытаниях, выпавших в прошлом столетии на долю Европы (тирания идеологий, кризис христианской духовности, нигилизм, переоценка локально-региональных ценностей и космополитических ориентиров, тупик эгалитаризма...). Главной болезнью своих современников — европейцев конца XIX столетия, философ называл «паралич воли». «Лишь в огромном срединном государстве, где начинается отлив Европы в Азию, — в России ... сила воли откладывается и накапливается с давних пор, — писал Ницше в сочинении «По ту сторону добра и зла», — там воля — и неизвестно, воля отрицания или утверждения, грозно ждет того, чтобы, по излюбленному выражению нынешних физиков, освободиться»². Прогнозируя «усиление грозности России», Ницше хотел, чтобы это заставило Европу «стать в равной степени грозной», приобрести «единую волю, долгую, страшную собственную волю, которая могла бы назначить себе цели на тысячелетия вперёд, — чтобы, наконец, кончилась затяжная комедия её (Европы. — Ю. С.) маленьких государств, а также её династическое и демократическое многоволие. Время мелкой политики прошло: уже грядущее столетие (XX в. — Ю. С.) несёт с собою борьбу за господство над всем земным шаром — понуждение к великой политике»³.

Сегодня Россия снова усиливает свою «грозность», собирает волю в один кулак. Параллельно в Европе также идёт процесс накопления «воли». Насколько нынешние европейские реалии соответствуют ницшевской концепции «великой политики»? Что ждёт Россию в XXI в.: вхождение в Европейский Союз? Участие в

«великой политике»? Или роль «перелива» Европы в Азию? Как сложатся отношения и европейцев, и России с Америкой?

Ответ даст начавшийся век...

Рубеж XX–XXI вв. вошёл в интеллектуальную летопись Европы как пик дискуссий по проблеме национальной идентичности. Это время отмечено, с одной стороны, началом масштабного процесса объединения Европы и активным поиском ценностных оснований общеевропейского единства, а с другой — распадом СССР, последствиями которого стали утрата россиянами имперской идентичности, формирование новой российской государственной идеологии и переоценка национальных и наднациональных ценностей.

Со второй трети XIX в. и по сегодняшний день важнейшим проблемным полем отечественной философии остаётся осмысление исторической роли России через выявление точек взаимоприятий и взаимоотталкиваний между европейскими и автохтонно русскими культурными установками. Чтобы быть конкурентоспособной державой, успешно справляться с проблемами межконфессионально-политического регулирования и решать свои военные и торговые задачи, России нередко приходится заимствовать у Европы более эффективные государственные, военные и торговые механизмы. Параллельно с заимствованием технологий идёт взаимообмен социальными стереотипами, ценностными установками, языком и соответствующими языку схемами мышления.

В отношении России к Европе можно выделить два подхода: культурно-философский (идеологический), где акцент делается на смыслы и концепции, которые по тем или иным причинам представляются наиболее значимыми в тот или иной момент истории; и политический (прагматический), ориентированный на определённые цели — стратегии государства во внешней политике, государственные (национальные или имперские) интересы. Проследив трансформацию образа Европы в работах отечественных мыслителей, начиная с ранних славянофилов (Ивана Киреевского, Ивана Аксакова, Алексея Хомякова), идеологов русского национализма (Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Михаила Каткова) и либералов начала XX в. (Николая Бердяева, Петра Струве) вплоть до авторов новейших идеологических и геополитических разработок⁴, можно обозначить три традиционные парадигмы отношения России к Европе:

1) Россия и Европа — чуждые миры. Противопоставление русской цивилизации (особого славянского культурно-исторического типа) Западу, примирение с которым невозможно по религиозным и цивилизационным основаниям. Укрепление автохтонных византийских начал российской государственности в противовес утрачивающей свой неповторимый культурный облик Европе.

2) Россия — европейское государство. В силу своей европейской культурной идентичности и ценностных установок Россия ориентирована на интеграцию в единое европейское сообщество.

3) Россия — лишь отчасти Европа, её историческая миссия заключена в примирении враждебных начал Запада и Востока, миров «безбожного человека» и «бесчеловечного бога» (Владимир Соловьёв).

Как бы ни различались эти три подхода, очевидно, что независимо от того, какие приоритеты официально существуют в тот или иной момент истории — курс на сближение с Европой или противоположный вектор движения, — формирование российской идентичности оказывается неразрывно связанным с процессами становления идентичности европейской. Сегодня, как и веком ранее, Россия не исключает возможность разработки альтернативного панъевропейского проекта.

В связи с этим мне представляется важным попытаться понять истоки совершающегося на наших глазах процесса объединения Европы, выявить идеи и ценности, составляющие фундамент концепции Единой Европы.

В основе проекта объединения Европы лежит тезис о существовании общеевропейской культуры и мощного экономического потенциала для интеграции европейских государств. Поводом к началу процесса формирования Европейского Союза стали трагические события истории первой половины XX столетия и победа над нацизмом во Второй мировой войне. Дополнительными стимулами к культурному, политическому и экономическому объединению Европы послужили крах коммунистической доктрины, окончание противостояния советской и западной систем ценностей в холодной войне, а также рост американского влияния в мире.

Большинство европейцев считают целью Европейского Союза преодоление политики силы. Общеевропейская идея лишает легитимности ничем не ограниченное осуществление национальных суверенитетов, объявляет вне закона межнациональные войны, а инструментами властных отношений признаёт мирную торговлю и дипломатию. Лишь в мире, где правят международные соглашения и нормы права, политика силы — классическая *Realpolitik* — может уйти в прошлое. Объединение европейских народов невозможно без того, чтобы часть суверенитета отдельных государств была свободно и добровольно отдана в пользу межгосударственного союза, однако свободное от острых идеологических конфликтов и серьёзного военного соперничества общеевропейское пространство имеет значительно больше шансов для консенсуса, диалога и переговоров как способов улаживания разногласий.

Очевидно, что успешное решение задач по формированию Единой Европы: преобразование постоянно расширяющегося Евросоюза в сплочённое политическое объединение и благополучная интеграция иммигрантов в культурную и политическую жизнь европейских стран — предполагает формирование новой европейской идентичности и появление мобилизующего общеевропейского мифа.

Преамбула к Конституции Европейского Союза гласит, что, «гордясь своим национальным своеобразием и историей, народы Европы должны преодолеть свои прежние разногласия и совместными усилиями создать общую судьбу»⁵. Единый европейский дом привлекателен, прежде всего, институтом европейского гражданства, базирующимся не на этнической идее «крови и почвы», а на общем историческом опыте, предполагающем равные юридические, политические и социальные права и обязанности для людей, проживающих в одном правовом пространстве. Однако, несмотря на успешное развитие институциональной структуры объединённой Европы, чувство наднационального единства и сплочённости Европейского Союза всё ещё отсутствует.

В спорах об общеевропейском наследии, общеевропейской идентичности и новом общеевропейском мифе накопилось много разногласий. Налицо опасные центробежные тенденции, в том числе противоречия и конфликты ценностного характера. И хотя в современных дискуссиях о европейском единстве принято ссылаться на существование традиционных общеевропейских ценностей и их интегрирующую роль, очевидно, что чувство принадлежности и осознание общности политической судьбы новой Европы подлежат совместному формированию. Новая реальность не может появиться автоматически, базируясь на почерпнутых из истории объединяющих ценностях. В трудном поиске новых ценностных оснований единения Европы важна философская традиция.

Обращаясь к истории идеи Единой Европы, важно заметить, что она является производной от идеи интеграции всего человечества. До Ницше внимание философов было сфокусировано прежде всего на глобальных, «всемирно-гражданских» проблемах. Идеи же именно европейской интеграции — единого государства, всеобщих прав и свобод человека, гражданского общества — оформляются во второй половине XIX столетия.

В дискуссиях о Единой Европе первым интеграционным проектом принято считать работу Иммануила Канта «К вечному миру» (1795), в которой, за 200 лет до её практической реализации, высказана мысль о необходимости создания института гражданства объединённых государств. Самым эффективным средством устранения и предупреждения международных вооружённых конфликтов Кант считал свободную федерацию стран, законодательно обеспечивающую населению «права всемирного гражданства»: «... раз более или менее тесное общение между народами Земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте Земли чувствуется во всех других, идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписанного кодекса государственного и международного права к публичному праву вообще и потому к “вечному миру”»⁶.

Конечно, европейские проблемы обсуждались и до Ницше, но в мыслительной парадигме, нацеленной на всеобщее как всемирное, они не доминировали. Единение стран Европы или других групп государств рассматривалось как средство для достижения цели интеграции всего человечества, представляя собой преходящий этап становления глобального единства.

В середине XX в. французский философ-гегельянец, разработчик идеи Европейского Экономического Сообщества Александр Кожев, задолго до Френсиса Фукуямы выдвинувший идею «конца истории», предпринял попытку синтезировать идеи предшественников в контексте реалий поствоенного времени. Наблюдая за тем, как национальные государства, которые ещё в XIX в. обладали большим влиянием, утрачивают политическую реальность, Кожев выдвинул свою концепцию организации европейского политического пространства. Переходным политическим образованием на пути к Единой Европе и всемирной интеграции, превосходящим национальные государства и наиболее приемлемым для XX–XXI столетий, Кожев считал региональные империи — интернациональные союзы родственных наций.

В знаменитой докладной записке 1945 г. Шарлю де Голлю «Набросок доктрины французской политики» Кожев обосновывал идею Латинской империи как наилучшего обустройства европейского пространства. Такая империя могла бы стать достаточно сильным политическим и экономическим союзом латинских католических стран Европы, прежде всего французской, итальянской и испанской наций, опирающимся на единую армию. «Чтобы быть политически жизнеспособным, современное государство должно опираться на «широкий “имперский” союз родственных наций. Современное государство только тогда является государством, когда оно является Империей»⁷.

Кожев был убеждён, что для XX в. единое европейское человечество в политическом отношении не более чем абстракция и переход от нации к гармоничной политической организации человечества, минуя империю, невозможен. Поэтому идея европейского интернационализма рассматривалась им как утопия. «Эпоха становления политической сущности всего человечества по-прежнему принадлежит далекому будущему. Этап национальной политики завершён. Теперь наступила эпоха империй, то есть транснациональных политических объединений, состоящих в то же самое время из родственных наций. Такое “родство” между нациями, становящееся теперь важным политическим фактором, представляет собой неопровержимый конкретный факт, который не имеет ничего общего со смутными и неясными “расовыми” идеями. Родство наций — это, прежде всего, родство языка, цивилизации, общей “ментальности” или, как тоже иногда говорят, “климата”. И это духовное родство проявляется, среди прочего, в общности религии»⁸.

За полвека до начала дискуссий о европейском правительстве и европейской конституции Кожев писал о «Латинской Империи» как выходе из кризиса архаичной идеологии национальных систем государственного устройства, предложив новые принципы построения отношений между нациями в империи, а в итоге во всём человечестве.

Примечательно, что Франция, ставшая ещё в XVIII столетии столицей панъвропейского буржуазно-демократического проекта, и сегодня играет ведущую роль в процессе европейской интеграции.

Ницше видел смысл новой Европы в необходимости формирования международного объединения, способного избавиться от националистической близорукости, не отказываясь при этом от национального самосознания, придающего конкретность универсальным нормам.

В знаменитой работе «Европа и Америка во всемирной истории» Георг Зиммель, сравнивая Ницше с Бисмарком, Дарвином, Вагнером, Толстым и Бергсоном, называл его человеком, который, будучи в высшей степени выразителем национального характера, явился создателем новой Европы⁹, доведя осмысление специфических национальных качеств до крайних пределов.

Реалии второй половины XIX в. — распространение торговли, промышленности, туризма, налаживание коммуникаций, неизбежное соприкосновение и взаимодействие различных народов и культур, а также огромный экономический потенциал для объединения Европы — стали для Ницше важными свидетельствами

уже скорого ослабления влияния, а в конечном счёте и ухода с исторической сцены наций, на смену которым идёт «единая смешанная раса европейского человечества»¹⁰. В сочинениях «Весёлая наука» и «По ту сторону добра и зла» Ницше выступил против «мелочной политики увековечения партикуляризма в Европе», против «национальной чесотки сердца и отравления крови, из-за которых народы в Европе нынче отделены и отгорожены друг от друга, как карантинами»¹¹.

Ницше был противником национального государства, замыкающего человечество в рамки групповой принадлежности и отражающих её идеалы, которые ограничивают возможности жизни людей. Чтобы стать сильнее и успешнее, Европа должна объединиться, национальные государства должны дать место более мощному европейскому проекту. «И у нас, добрых европейцев, — пишет Ницше, — бывают часы, когда мы позволяем себе лихую патриотщину и снова бултыхаемся в волны старой любви и узости ... часы национального волнения, патриотического нуда и всякого иного допотопного переизбытка чувств. Умы более неповоротливые, нежели мы, могут справиться с тем, что у нас ограничивается часами и разыгрывается в несколько часов, только в более продолжительные промежутки времени, одни в полгода, другие в полчеловеческой жизни, смотря по быстроте и силе, с которой они совершают свой “обмен веществ”»¹². Лучшим сценарием будущего Европы было бы, по Ницше, общество, управляемое интеллектуалами, аристократами духа, одарёнными способностью следовать в жизни своим творческим инстинктам, благодаря которым можно избежать упадка, инициированного христианством, разрушившим оптимистическую стойкость эллинской души. Определяя эллинскую цивилизацию как носительницу культуры, Ницше видел в античной культуре пример для мирового устройства.

Сходные мысли, развивающие тезис Ницше уже применительно к римской античности, содержатся в книге современного французского историка культуры Реми Брага «Европа. Римский путь»¹³. Благ видит суть европейской цивилизации в её принципиальной открытости миру. Специфика древнего Рима состояла в постоянном отказе от собственной самости, растворении в культурном многообразии средиземноморья. Говоря о пути становления единой Европы как римском пути, Благ имеет в виду главный принцип европейской цивилизации: самораспространение на всё новые территории, самообновление через восприятие новых культурных миров. Европа обречена быть собой лишь в процессе утраты себя, в вечном стирании грани между «своим» и «чужим», в постоянном самораспространении на всё новые территории и самообновлении за счёт поглощения новых культурных типов. Коренное свойство европейской цивилизации — способность органически усваивать инокультурный опыт, никогда не растворяясь в нём.

Основанием необходимости объединения Европы выступают у Ницше два события: «смерть Бога» (слова Ницше «Бог мёртв» — не атеистическое утверждение, а констатация конца западной метафизики и христианской религии и начала долгосрочного процесса секуляризации европейской культуры) и рост национализма. Унаследовав христианскую традицию, Европа национальных государств обрекла себя на вырождение.

Мартин Хайдеггер, истолковывая причину обесценивания высших ценностей европейской культуры (Бога, сверхчувственного мира, идеалов и идей, целей и оснований), писал, что «люди постепенно осознают: идеальный мир неосуществим, его никогда не удастся осуществить в пределах мира реального. Обязательность высших ценностей тем самым поколеблена»¹⁴.

Причину гибели христианства Ницше видит в христианской морали. На протяжении многих веков христианская этика придавала человеку абсолютную ценность, доказывала совершенство созданного Богом мира, несмотря на царящие в мире страдания и зло, полагала в человеке знание абсолютных ценностей, охраняла человека от презрения к себе. В то же время, обрекая человека жить не реальной, а воображаемой жизнью, в которой нет места реальному поступку, а есть лишь бессильное желание вознаградить себя за униженное положение «воображаемой мести», христианство превратилось в источник нигилизма.

Упадок веры и обесценивание идеалов означают, что ментальные структуры, на которых строилось единство Европы в прошлом, утратили свою эффективность. Невозможно просто убрать религиозные ценности из согласованной человеческой культуры без разрушительных последствий. Кризис христианства привёл к потере смысла. Ни вера в прогресс человеческого разума, ни наука не могут породить новые глобальные смыслы и ценности, они не могут даже постулировать смысл самих себя. Следствием секуляризации стал взрыв национализма, воплощённый в национальных государствах с особой агрессией и оказавшийся, в итоге, основным индикатором необходимости выработки новых смыслов¹⁵.

Сходные мысли развивает Макс Вебер в книге «Наука как призвание и профессия». Вообще, тема близости и расхождения идей Ницше и Вебера интересна. Так, например, мыслители предложили прямо противоположные трактовки социальной природы морали. Если, по Ницше, мораль — результат ressentimenta, то Вебер, напротив, выводит мораль из успеха богатых и состоявшихся: у меня есть всё, и этим я обязан своим добродетелям.

Попытка Ницше сформулировать новую идею для Европы стала ответом на нигилизм, заложенный в секуляризации европейской культуры и этноцентризме. Ницшевский проект объединения Европы — проект самокритики классической европейской культуры. Он принципиально чужд задаче формулирования новых конкретных идеалов в ответ на утрату старых смыслов.

Задачей философа, по Ницше, является преодоление своего времени, стремление понять современность в контексте всей человеческой истории. В предисловии к работе «Казус Вагнер» Ницше писал: «Что требует философ от себя прежде всего и в конце концов? Победить в себе свое время, стать безвременным. С чем, стало быть, приходится ему вести самую упорную борьбу? С тем, в чем именно он является сыном своего времени»¹⁶.

Европеизация «добрых европейцев» — это побуждение к глубинному опыту свободы человеческого общества без попытки зафиксировать заранее точную культурную, религиозную, классовую или национальную идентичность постнигилистической Европы. «Мы, дети будущего, как смогли бы мы быть дома в этом настоя-

щем! Мы неблагоклонны ко всем идеалам, в которых кто-либо сегодня мог бы еще чувствовать себя уютно... Мы ничего не “консервируем”, мы не стремимся также обратно в прошлое, мы нисколько не “либеральны”, мы не работаем на “прогресс”, нам вовсе не нужно затыкать уши от базарных сирен будущего, — то, о чем они поют: “равные права”, “свободное общество”, “нет больше господ и нет рабов”, не манит нас! — мы просто считаем нежелательным, чтобы на земле было основано царство справедливости и единодушия (ибо оно при всех обстоятельствах стало бы царством глубочайшей посредственности и китайщины) ... мы должны чувствовать себя как на иголках в век, который горазд бахвалиться тем, что он самый человеческий, самый кроткий, самый правовой из всех бывших до сих пор под солнцем. Достаточно скверно, что как раз при этих прекрасных словах возникают у нас тем более безобразные задние мысли! Что мы видим в них лишь выражение — и маскарад — глубокого расслабления, утомления, старости, скудеющей силы!»¹⁷ Идея «хорошего европейца», как реакция на смерть Бога и национализм, является у Ницше идеей воспитания личности на опыте творческой экзистенциальной свободы.

Заглядывая в прошлое современного национализма и размышляя о перспективах Европы, Ницше избегает употребления оценочных понятий, обычно используемых для описания европейской специфики, таких, как «цивилизация», «гуманизация», «прогресс». Процесс демократизации Европы он характеризует как движение от локального к глобальному, как «взаимоуподобление европейцев», стирание местных особенностей и отличий. Фундаментальная тенденция европейской истории ведёт ко всё большему единообразию, порождая «сверхнациональный и кочевой вид человека»¹⁸, глобализации наиболее жизненных обычаев и традиций. «Пусть называют то, в чем нынче ищут отличительную черту европейцев, “цивилизацией”, или “гуманизацией”, или “прогрессом”; за всеми моральными и политическими рампами, на которые указывают эти формулы, совершается процесс взаимоуподобления европейцев, их возрастающее освобождение от условий, среди которых возникают расы, их увеличивающаяся независимость от всякой определенной среды, которая в течение целых столетий с одинаковыми требованиями стремится запечатлеться в душе и плоти человека, — стало быть, совершается медленное возникновение по существу своему сверхнационального и кочевого вида человека, отличительной чертой которого, говоря физиологически, является *maximum* искусства и силы приспособления. Этот процесс становящегося европейца ... может быть замедлен в темпе сильными рецидивами ... сюда относится все еще свирепствующая ныне буря и натиск “национального чувства”, а также возникающий на наших глазах анархизм»¹⁹.

Европейский проект Ницше расходится с проектом Просвещения, положенным в основу нынешнего процесса формирования Единой Европы. Несмотря на то что Ницше сам был дитя Просвещения в той степени, в которой верил в прогрессивное развитие человечества вне лона религии и моральных ценностей христианства, он не разделял просвещенческое преклонение перед разумом, полагая, что человеку следует больше прислушиваться к своим инстинктам, чем полагаться на логические умозаключения, и отвергал идею всеобщего равенства людей.

Ницшевский проект Европы будущего представляет собой работу мифического самосозидания, аналогичную личной самореализации — знаменитого ницшевского кредо: «стань самим собой», — возвышения человека над собой, движения к «сверхсебе», существующему идеально, но ещё не реально.

Смогут ли народы Европы, преодолев свои национальные идентичности, создать новый постнациональный этнос? Потребуется время и убедительные аргументы, чтобы португальцы и эстонцы, поляки и немцы стали считать себя прежде всего европейцами и идентифицировать себя с политическими институтами и ценностями объединённой Европы.

Готовы ли европейцы принять у себя чужую культуру? Достаточно ли привлекательна европейская идентичность для мусульманских иммигрантов? Окажутся ли исчерпывающими для сплочения новой Европы положения о правах человека, экономическом процветании и мирном интернационализме в отношении с зарубежными странами? Основой легитимности гоббсовского Левиафана служил договор между людьми. Демократическая легитимность Европейского Союза вытекает из воли международного сообщества, превосходящей каждое отдельное национальное государство.

В многоголосии мнений о будущем Европейского Союза прослеживаются два противоположных подхода. Согласно первому, попытка Европы заменить местные национальные идентичности европейской идеей, очищенной от национализма, — это серьёзная ошибка. «В идеале политическому проекту Европы необходим свой собственный национализм, который был бы достаточно сильным, чтобы создать у его граждан ощущение общей истории и общей судьбы»²⁰. Это трудная задача, поскольку «в Европейском Союзе отсутствуют некоторые важные составляющие национальной идентичности — нет общего языка, общей истории, очень мало сильных объединяющих мифов, к которым может обратиться Европа, чтобы воодушевить свои массы, и кроме обещаний материального благосостояния, которые Европа дает своим гражданам, нет никакого ощущения общей судьбы, объединяющей народы Европы». Многие аналитики из этого лагеря полагают, что единственной субстанцией, объединяющей Европу и мобилизующей её жителей, может служить антиамериканизм и идея европейской сверхдержавы, сдерживающей Америку²¹. Однако очевидно, что это основание, наряду с идеей возвращения к национализму, от которого постнациональная Европа хочет избавиться, не может служить подходящей основой для «европейскости».

Оппоненты право-консервативного лагеря полагают, что, несмотря на все сложности, самой опасной из которых является углубляющийся разрыв между континентальными и англосаксонскими странами, с одной стороны, и «старой Европой» и странами средней Европы, кандидатами на вступление в Европейский Союз, с другой стороны, формирование новой европейской идентичности необходимо и возможно.

Резким противником возвращения к национальной идентичности выступает Юрген Хабермас: «Европа была интегрирована горизонтально через создание общего рынка и — частично — общей валюты. Без развития экономических интересов для создания политического союза не было бы никаких оснований... Но

ксенофобская идея правых о том, что социально нежелательных последствий отмены границ можно было бы избежать, вернувшись к протекционистским силам национального государства, не только сомнительна с нормативной точки зрения, но и явно нереалистична»²².

К поддерживаемым сегодня гражданами Европы новым духовно-ценностным ориентирам и подходам, на основании которых формируется общая идентичность Объединённой Европы, можно отнести «признание других в их инаковости» (Юрген Хабермас), секуляризацию общественной жизни и политики, веротерпимость, критическое отношение к техницизму и завышенным ожиданиям относительно научно-технического прогресса, критическое отношение ко всем формам насилия, соблюдение прав и свобод человека, неприятие тоталитарных режимов и геноцида, признание абсолютной ценностью жизнь человека (отмена смертной казни), социальную справедливость.

Вектор движения мировой истории можно обозначить как путь интеграции человечества от национального к всеевропейскому и всемирному. «Суть и замысел человеческой цивилизации как таковой состоит в объединении отдельных стран, в тенденции — регионов, континентов в совокупную, и именно глобальную всечеловеческую целостность, в сохранении преемственности цивилизационного развития — и все это, разумеется, при постоянном существовании уникально-единичного, регионально-особенного, при непереносимом порождении той же цивилизацией многообразных противоречащих друг другу дифференций, различий, при их противостоянии и борьбе, в которой гибли отдельные цивилизационные формы, но все-таки выживала цивилизация в целом»²³.

Господствовавшая в XX в. государственно-центристская модель мира отходит в прошлое, несмотря на реальную угрозу нового национализма, проявляющегося в формировании центров международного терроризма, религиозном фундаментализме, расизме, этнической нетерпимости и кризисе экологических систем. «Затяжная комедия маленьких государств Европы» (Ницше) уступает место консолидации стран. Мировое гражданское общество сегодня такая же реальность, как общество национальное.

Процесс объединения Европы — данность, однако он далёк от завершения. До сих пор неясно, сможет ли Европа покончить с национализмом. Современным людям по-прежнему необходимы идентификация и чувство принадлежности. Идентичность имеет большое значение, и будущее Европы во многом зависит от того, какая идентичность в конечном итоге станет определять лояльность граждан Европы.

¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 376.

² Там же. — С. 331.

³ Там же. — С. 332.

⁴ Выразителями первой точки зрения являются: Александр Дугин, Вадим Цимбурский, Михаил Леонтьев, Александр Проханов и Наталия Нарочницкая; вторую позицию представляют: Дмитрий Травин, Александр Архангельский, Александр Аузан, Владислав Иноземцев. Самым ярким представителем третьей позиции может быть назван Дмитрий Тренин.

-
- ⁵ European Union, Treaty Establishing a Constitution for Europe, Preamble, 10. In: *Roberts D.* The European Union and You, Saxon Books. – London. – P. 403.
- ⁶ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1994. – Т. 1. – С. 403.
- ⁷ *Кожев А.* набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // Прогнозис. – 2005. – № 1. – С. 20.
- ⁸ Там же. – С. 28.
- ⁹ *Зиммель Г.* Европа и Америка во всемирной истории // <http://www.politizdat.ru/article/122/> (дата обращения: 12.11.2009).
- ¹⁰ См.: *Riedel M.* Die Perspektive Europas – Nietzsche in unserer Zeit // *Jahresschrift der Förder und Forschungsgemeinschaft Friedrich Nietzsche e. V. Band II 1991/1992 Halle an der Saale.* – 1992. – S. 41.
- ¹¹ *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. – С. 361.
- ¹² Там же. – С. 361-362.
- ¹³ См.: *Браз Р.* Европа. Римский путь. – Долгопрудный, 1995.
- ¹⁴ *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. – М., 1993. – С. 175.
- ¹⁵ См.: *Elbe S.* Europe / A Nietzschean Perspective. Routledge. – London, New York, 2003.
- ¹⁶ *Ницше Ф.* Казус Вагнер. Проблема музыканта // *Ницше Ф.* Собр. соч. в 2-х т. – Т. 2. – С. 526.
- ¹⁷ *Ницше Ф.* Веселая наука // *Ницше Ф.* Собр. соч. в 2-х т. – Т. 1. – С. 702.
- ¹⁸ Там же. – С. 702.
- ¹⁹ Там же. – С. 362.
- ²⁰ *Оттоленги Э.* Может ли Европа покончить с национализмом? // Прогнозис. – 2005. – № 3. – С. 124.
- ²¹ *Деррида Ж., Хабермас Ю.* Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки. – 2003. – № 6. – С. 98–105.
- ²² *Хабермас Ю.* Иллюзорное «нет» левых // Апология. – 2005. – № 4. – С. 17.
- ²³ *Мотрошилова Н. В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 5.